Золотухин Валерий 18.05.05.

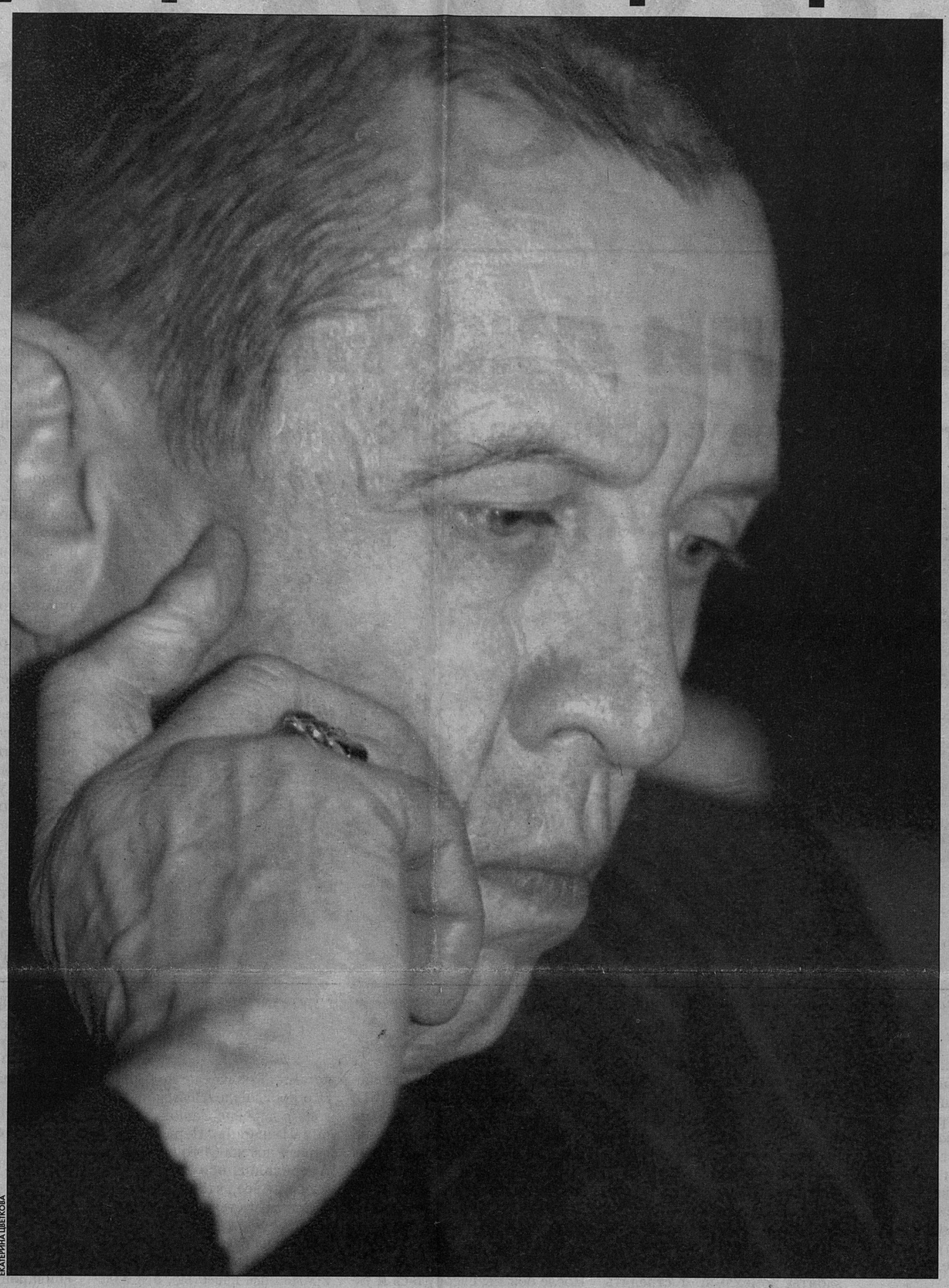
Россія. – 2005. – 12–18 мая. – с. 14

Валерий ЗОЛОТУХИН:

Говорят, что, прочитав мои дневники, Высоцкий умер бы во второй раз

Беседовала
Евгения Ульченко

Всенародный любимец Бумбараш и утонченный Моцарт, Золотухин снялся более чем в 30 фильмах. Его имя стало одним из символов Театра на Таганке, которому он не изменяет уже сорок лет. В 1973 году в «Юности» была напечатана первая повесть актера, а последние – дневниковые – повести поражают своей откровенностью. Только что у Золотухина вышло сразу несколько книг: роман в двух томах «Таганский дневник» и проза разных лет – «Пляши, брат, – где-нибудь играют...».



ЕКАТЕРИНА ЦВЕТКОВА

– Валерий, вы – народный артист России, член Союза писателей. Что на протяжении жизни было важнее для вас: кино, театр, музыка или литература?

– Обычно что-то опережало. Я ведь игрок. Вот мне захотелось поиграть в писателя. И я написал повесть – одну, вторую, потом рассказы и прочее... В какой-то момент мне стало фартить на эстраде. Я стал записывать песни для фильмов: «Двенадцать стульев», «Бумбараш»... Мой голос зазвучал на пластинках. Но все увлечения и ремесла работали на меня как на актера. Когда вышла моя первая повесть «На Истокречушку, к детству моему» с предисловием Валентина Распутина, то писатели – маститые – стали советовать мне бросить театр и заняться литературой: «То, что написано, – вечно». Но, между нами, девушками, говоря, вечных книжек не так уж много. И хорошо сделанная роль в легендах сохраняется не меньше.

Одна учительница написала мне в те годы письмо: «Вас читают, но вы – актер. А вот Шукшин – писатель...» Амбиции писательские у меня тогда были высокие, и я поначалу обиделся. А совсем недавно спросил себя: «Валерий, вот ты в 17 лет, в 58-м году, из своего села Быстрый Исток на Алтае зачем ушел? Для того чтобы играть на сцене. В Москве, причем с Ильинским в Малом театре. Так ты это и сделал».

– Вы родились актером? Как, по вашему мнению, актерами рождаются или становятся?

– Ремеслу, конечно же, можно научиться – говорить, двигаться. Но личностным актером надо родиться. Я рано понял, что петь или плясать – это труд. Совсем маленьким, в голодное военное время, я так зарабатывал. Мать привязывала меня за ногу к крыльцу, оставляла хлеба, что-нибудь попить и уходила в поле. От нечего делать я пел, и люди давали мне за песни кто чего – яичко, пирожок... А потом, я ведь до восьмого класса на костылях ходил, и меня в селе гадким утенком называли. И, наверное, все имеет свой результат и назначение. Не назови меня так, может, и не захотелось бы мне доказать, что я с рождения артист.

– Это счастье, когда человек рождается талантливым?

– Для меня счастье, потому что я себя реализовал. Может быть, не в той степени, как хотелось бы. Но все-таки грех жаловаться.

– Чем была для вас Таганка, когда вы в нее пришли, и что значит она сегодня?

– Да чем была, тем и осталась. Театр на Таганке – моя жизнь и судьба. Этим все сказано. В 64-м году я ведь уже работал в Театре Моссовета – хорошем театре. И вдруг попадаю на «Доброго человека из Сезуана». Весь мой мир – театральный и душевный – перевернулся. Слезы текли в три ручья... И я сказал себе, что буду у Любимова на полу сидеть, изображать массовку, но попаду на эту сцену... Естественно, были у меня и карьерные, шкурные соображения тоже. Ведь я же хотел быть первым артистом в первом театре. Таганка – это брак и по любви, и по расчету.

Конечно, сегодня другое время... Любимову, как он сам говорит, неинтересно ставить пьесы, ему нравится изобретать. «До и после», «Обэриуты», теперь вот «Суф(ф)ле»... Его театр – авторский. Это феноменальный случай. Юрий Петрович не похож ни на одного режиссера.

– Иногда говорят, что на Таганке нет актеров, потому что Любимов не умеет с ними работать...

– Это ерунда и дилетантизм. Отсебятина, что называется. Я-то могу говорить даже не с высоты своего положения, а с высоты своего возраста в театре. Ведь он ни одного гастролера никогда не позвал: делает спектакль только с теми актерами, которые есть. Он им доверяет. И если бы не любил, так не работал. Он же никому не дает провалиться – закрывает и поддерживает. Я понимаю, что он делает это еще и из любви к себе и к искусству... Но это уже другая тема...

– Вы в театре фактически с его основания. А когда вам в нем интереснее работалось?

– Это вопрос не к театру или актеру. Это вопрос ко времени. Когда я сейчас вспоминаю свои прежние роли... О-о-о! Но, конечно, это были счастливые годы. Лучший ответ на этот вопрос – анекдот. Спрашивают у мужика: «Когда лучше было, при Сталине, при Хрущеве или при Брежневе?» – «При Сталине». – «Почему? Полстраны сидело, полстраны охраняло...» – «Бабы были моложе». Да, конечно, именно «бабы были моложе». Мое время совпало со временем Любимова. И оно было удивительным. Детям сейчас это даже невозможно объяснить. «Что, на стадионе сто тысяч слушают стихи Евтушенко или Вознесенского? Да ну, папа, ладно, оставь, не может этого быть!» Но ведь было же...

– Вы сыграли у Любимова все, что вы хотели?

– Только вчера на концерте мне задали точно такой же вопрос. И я вдруг ответил: «Да!» Но я сыграл в ответ. Потому что в 63 года стыдно говорить, что чего-то там и где-то не сыграл. Ну, значит, не судьба... Я сыграл то, что сыграл. Как-то в день рождения Бориса Пастернака мы ставили «Доктора Живаго», а потом подписывали афиши. И я написал: «Шеф, спасибо. Я сыграл «Живого» и «Живаго». Редкий актер удостаивается такого на любимовских подмостках. Юрия Живаго я играю до сих пор. И наслаждение величайшее испытываю от спектакля. Не всегда от своей игры, но от текста, от постановки, от темы...

– А кроме Живаго у вас много сейчас ролей?

– По вечерам в своем театре я теперь чаще стою у прилавка, чем на сцене. Продаю свои книжки. Вы понимаете, что-то я не могу играть уже просто по возрасту. Другой репертуар – не потому, что он плохой, а потому, что другой.

– Вы 800 раз выходили на сцену в «Добром человеке из Сезуана», играли Бориса Годунова, одного из пяти Пушкиных, Маяковского... На ваших спектаклях всегда аншлаги, многие до сих пор считают вас премьером Таганки, ее брэндом.

– Любимов каленым железом выжигал сам дух премьерства. Хотя на самом деле премьеры всегда были. Театр так устроен, что ведущий актер все равно называется премьер. Брэнд – это новое слово, но оно, как ни странно, подходит мне больше. Хотя бы за выслугу лет. А Маяковских тоже было пять. Но это было – пять Гамлетов! По прочтению, накалу страстей, по тому, какую нагрузку они несли и какую судьбу сплетали. Конечно, я играл не все, что я хотел. Но я никогда Любимову об этом не говорил. Никогда не участвовал в распределении: «Юрий Петрович, я хочу сыграть вот это...»

– Рассказывают, что Высоцкий выпросил у Любимова роль Гамлета. Это правда?

– Да. Но надо же было знать Володю. Мне, например, было страшно: «Володя, а вдруг тебе дадут?» – «Ну и что? – «А вдруг не сыграешь?» – «Кто, я не сыграю? Да ты что!» И действительно сыграл. Спектакль сделали на него – поэта Высоцкого. Ведь сам Гамлет – поэт, Шекспир – поэт, Высоцкий – поэт, и он сыграл поэта.

– В книге «Все в жертву памяти твоей» вы подробно рассказываете, как сами собирались играть эту роль. Как переживали из-за того, что Высоцкий пообещал уйти из театра куда глаза глядят, если Гамлетом станете вы. С высоты прожитых лет какой вам видится сегодня та ситуация?

– И тогда, и сейчас я смотрю на нее весьма и весьма с юмором. На Гамлета я был назначен приказом. Слава Богу, что этот приказ сохранился. Я же не самозванец. И потом, существовал ведь определенный сговор с Любимовым, потому что Володю в то время надо было приструнить дисциплинарно. Когда актер чувствует второго, он становится более ответственным. Я на самом деле работал над Гамлетом. И работа не пропала зря, потому что, в конце концов, я записал передачу на телевидении – четыре монолога Гамлета, и мои тщеславные мечты были в какой-то степени удовлетворены... Володя был большим ребенком: «Если сыграешь, я уйду в другой театр – самый плохой»... Ха-ха!.. Смешно же! Надо знать характер Высоцкого.

– Говорят, порой его упрекали за то, что он не здоровался...

– Вот он шел по коридору весь в себе. «Здравствуй, Володя! Привет, Володя!» – а он даже не обращал внимания и потом искренне удивлялся: «Я не здороваюсь? Да не может быть!» Он просто этого не замечал. Это не рассеянность гениального человека, а сосредоточенность ... Он бывал порой как сомнамбула. И чего обижаться?

– В актерских кругах любят поговорить и о том, что Золотухин якобы всегда завидовал Высоцкому...

– Сейчас публика не понимает расклада сил того времени. В 72-м году вышел фильм «Бумбараш», в 73-м в «Юности» напечатали мою повесть, которая имела колоссальнейший резонанс. Высоцкий, кстати, ее тоже оценил. Я был самодостаточен и популярен. Как я мог завидовать Высоцкому, если у меня был, например, Кузькин – не сыгранный, но известный всей Москве, создававший мне легенду. Я, кстати, двадцать один год ждал часа, когда запрещенный спектакль по повести Можаева пойдет на зрителя, – и дождался... Говорить о том, что я кому-то завидовал – смешно. Это чушь собачья – полная! Какая зависть?

– Людмила Абрамова, жена Высоцкого, считает, что ваша дневниковая повесть – лучшее, что написано о Высоцком. А по вашему мнению?

– Ну и я так же считаю. Поскольку это не написано, а записано при жизни. Это уже документ.

Я рано понял, что петь или плясать – это труд. Совсем маленьким, в голодное военное время, я так зарабатывал. Мать привязывала меня за ногу к крыльцу, оставляла хлеба, что-нибудь попить и уходила в поле. От нечего делать я пел, и люди давали мне за песни кто чего – яичко, пирожок...

– Помимо этой повести у вас есть и другие воспоминания о Владимире Семеновиче. Если бы он вдруг их прочитал, как вы думаете, ему бы понравилось? Ведь вы написали и о том, как Высоцкий мог пьяным на спектакль придти, и как он «на игле» сидел...

– Я над этим не думал, но недавно один из общих наших с Володей знакомых позвонил и говорит: «Валерка, если бы Вовка прочитал твои дневники, он бы ради этого умер второй раз». Только дело не в том, мне кажется, кто и что сказал о Высоцком, а в том, что он сам сказал своим творчеством. Никакая правда о нем или ложь не испортят его стихов.

– А как относится к вашим книгам Юрий Петрович?

– Да приносят ему почитать отдельные выдержки, я знаю. Нормально относится...

– Валерий, у вас много ролей в кино. И все-таки кинематографу вы предпочитаете театр. Почему?

– Почему я так дорожу театром? Театр – это то, что сейчас, что сегодня.

– А кино?

– То, что было вчера в кино «ой-ой-ой», сегодня смотреть подчас просто невозможно....

– Наше российское кино вообще принято сейчас ругать.

– Я, если вы заметили, редко кого и что ругаю. Во-первых, вину за все неудачи и просчеты привык брать на себя. Если что-то не получилось – сам и виноват. И потом, вот говорят про «беды нашего кинематографа». А беды эти не кинематографа, а времени. На экраны буквально хлынул запретный плод: убийства, насилие, порно.

– В кино, театре, на телевидении сегодня нет места «Доброму человеку из Сезуана»?

– Я оптимист и верю, что такое время обязательно наступит. Вот сегодня, кстати говоря, я встретил Илзе и Андриса Лиепу. Я был в симпатичных отношениях с их отцом. Спрашиваю: «А кто сейчас танцует «Спартак»? И Андрис говорит: «Все». Но возможно ли повторить тот спектакль Григоровича с Васильевым или Лиепой? Их фантастическую энергетику? Конечно, нет. Есть очень талантливые исполнители, но для них нужны другие спектакли. И они обязательно со временем появятся.

– Недавно у вас закончились съемки в телефильме «Мастер и Маргарита». В каких-то сериалах вы сейчас еще снимаетесь?

– Мелькаю, конечно. А почему нет? Нужно светиться. А потом, как открою свою пенсионную книжку – а там 591 рубль написано... И что делать? Из последних работ – «Талисман». В него меня буквально втянули, но я и не жалею.

– Телесериалы теперь делаются в режиме «он-лайн» порой всего за один-два месяца. Это не может не сказываться на их качестве.

– Конечно, странные вещи происходят. Утром ты снялся, а назавтра уже на экране. Внучка говорит: «Дед, мы тебя видели». – «Где?» – «А ты там за газетой прятался». А ведь это было только вчера или позавчера. «О, – думаю, – вот это влип». Хотя ничего дурного в этом не вижу. Есть поток, есть определенное задание, просто важно быть в хорошей форме. Тут важна школа и важен «момент тигра». «Момент тигра» – это моя терминология, так же как и «момент быка». «Момент быка» – когда роль нарабатывается и идет накапливание энергии. А тигр... Когда он готовится взять добычу, то концентрирует свою силу, организм и все на свете... Потому что, если промажет и не возьмет цель, то второй раз уже не сможет. В кино важно владеть этими двумя энергиями – тигра и быка. И очень быстро соображать, чтобы не вляпаться в какую-нибудь профессиональную лажу.

– Валерий, как вы при вашей загруженности согласились стать еще и руководителем Молодежного театра в Барнауле?

– В октябре будет два года, как я решился на это дело. Честно говоря, взялся за него, чтобы помочь театру со строительством нового здания. Пока мои старания не увенчались особым успехом. Но ничего, я храм в своем селе построил тоже не сразу. 12 лет понадобилось.

– Говорят, вы теперь поднимаете культуру на Алтае. Устраиваете там «Золотухинские ярмарки»?

– Это такое внутреннее название, на афишах его нет. Что-то вроде фестиваля, который бывает обычно на праздник Покрова, 14 октября. Два года назад на ярмарку приезжал сын Высоцкого – Никита. Народ просто обалдел: у Никиты и голос, как у его отца. А прошлой осенью я приглашал Панкратова-Черного. Все это, конечно, бесплатно.

– А как сейчас обстоит дело с вашим музеем? Музей при жизни – это круто!

– Я человек с юмором. Что ни делается – все к лучшему. Администрация дом родительский под музей выкупила, а музея никакого там, конечно, никогда и в помине не было. Зато дом стал рушиться. Там вообще притон образовался. И я отдал все это дело охотникам. Теперь там вывеска – Дом Валерия Сергеевича Золотухина. В одной комнате – магазин охотничьих принадлежностей: ружья, порох, чучела. В другой – контора. Охотники очень рады этому дару. Я бы с удовольствием устроил там музей. Не ради славы – я к ней отношусь легко. Тут как-то ко мне подошла одна восторженная пара: «Мы вас, Валерий Сергеевич, помним с самых первых спектаклей». Я приготовился к дальнейшим восхвалениям, а они: «Вы тогда, случалось, и пьяный на сцену выходили, а Зинаида Славина вас заслоняла...» Славы, как и денег, всегда не хватает, а мне лишь бы село мое поднять, дорогу в Быстрый Исток проложить. Оно от железной дороги совсем на отшибе. Туда ведь нормальный человек не поедет ни за что никогда. А если к Золотухину на могилу – то, может, и поедет.

– Ну, вам теперь надо жить долго и счастливо. У вас ведь сыну четыре месяца.

– Да, Ваня младше моих внуков. Старший сын – священник, и у него пятеро детей – три дочки и два сына.

– Не страшно было стать отцом в 63 года?

– Это счастье. Я больше всего боялся реакции моих сыновей. Но Сережа меня в этом смысле очень поддержал. Я с ним порой советуюсь, он умный такой мальчишка. То есть не мальчишка – 25 лет уже. И вот он говорит: «Пап, а зато сколько плюсов!» И вот за это «сколько плюсов» я так ему благодарен! Конечно, я благодарен в первую очередь и Ирине, и своей жене Тамаре, которая, в общем, поняла меня. Не хочу говорить, что простила. Это глупость, конечно. Но, во всяком случае, поняла.

– Ваша жизнь всегда на виду у многих. Да и в «Дневниках» вы очень откровенно рассказали о своих метаниях между женой и любовницей. Актриса Ирина Линдт работает в том же театре, что и вы. Как вы считаете, насколько это правильно, когда вся страна наблюдает за чьей-то личной жизнью?

– Я этого не хотел. Мне это не кажется хорошо, но вся беда в том, что все равно страна наблюдает. Ты отказываешься давать интервью – журналисты лезут в окна. Они дежурили в роддоме, когда там лежала Ирина. Поэтому иногда лучше дать интервью. Но и то перевирают. Избавиться от этого нельзя, рецептов нет. Потому что все равно публику будет интересовать, спала Наталья Николаевна с царем или не спала. И меньше интересует творчество. Я не хотел бы говорить на эту тему, чтобы никого не обижать. Ирина недавно в одном интервью сказала, что Золотухин человек свободный и границы этой свободы определяет только он сам. Я ей очень за это благодарен. Умно и корректно ответила.

– Скажите, Валерий, после того как вы в «Дневниках» честно написали и о себе, и о своих женщинах, и о друзьях, и о театре, о пристрастии к алкоголю и других человеческих слабостях, вам стало легче жить?

– Можно, я не буду отвечать?.. Те, кому это действительно интересно понять, при желании найдут ответ в моих книгах. Пусть читатели сами сделают свои выводы. Собственно, для этого я и пишу...

Слова

Юрий Любимов:

– Золотухин – молодец. При всем огромном таланте и известности этого артиста в нем нет излишней фанаберии. И это, по-моему, его весьма украшает. Он сохранил форму и не разрушил себя с годами. Ему удалось остаться самим собой. Быть, а не казаться, что само по себе заслуживает уважения. За все сорок лет работы в театре он ни разу не пришел на спектакль неподготовленным или несобранным. Я поражаюсь его неравнодушию. Например, пару дней назад, после премьеры «Суф(ф)ле», Валерий, остановив меня в фойе, сказал совершенно удивительные вещи по поводу этой постановки. Он был на премьере вместе с Линдт. С таким интересом отнестись к спектаклю, в котором сам не занят! Это для актера чрезвычайно редкое качество.